

ДУХОВНОЕ ЛИЦО ВЪ ЗВАНІИ ТРЕТЕЙСКАГО СУДЬИ ¹⁾.

II

Духовное лицо въ званіи третейскаго судьи въ древней Руси.

О дѣйствованіи духовныхъ лицъ древней Руси въ званіи третейскихъ судей нашъ извѣстный историкъ древнерусскаго права К. А. Неволинъ въ свое время высказался такъ: „Исторія представляетъ намъ не много случаевъ, въ которыхъ архіерен дѣйствовали какъ посредники, добровольно избранные сторонами для рѣшенія ихъ спора или тяжбы. При томъ же эти случаи, принадлежащіе XIV и XV столѣтіямъ, относятся къ рѣшенію споровъ между князьями. Но эти случаи показываютъ, что способъ рѣшать гражданскія распри, прибѣгая къ посредническому суду епископовъ не былъ у насъ не извѣстенъ. На то же указываетъ совершенное сходство существовавшихъ у насъ прежде обрядовъ суда третейскаго съ тѣми, которые были приняты для него въ Греціи ²⁾. Проводникомъ началъ Грекоримскаго законодательства въ Русское въ настоящемъ случаѣ легко могли быть третейскіе суды, которые принимало на себя *духовничество* по дѣламъ, волею спорящихъ сторонъ рѣшенію еіо предоставленнымъ“ ³⁾

Это было высказано въ 1859 г.

Вдумываясь въ эти слова, легко примѣтить нѣкоторую двойственность въ воззрѣніяхъ высказавшаго: съ одной сто-

¹⁾ См. Богосл. Вѣст. февр., стр. 239–252

²⁾ Срав. Улож. гл. 15 ст. 5 о судѣ третейскомъ съ Basile VIII, 2 Примѣч. Неволіна

³⁾ Полное собр. сочин. К. А. Неволіна, т. VI, 334

роны онъ указываетъ на бѣдность историческихъ свидѣтельствъ о случаяхъ примѣненія духовными лицами третейскаго суда, съ другою категорически заявляетъ, что духовенство своею практикою третейскаго суда именно и было проводникомъ грекоримскаго о немъ законодательства въ наше отечественное.

Съ подобною же двойственностью воззрѣній о дѣйствованіи въ древней Руси третейскаго суда вообще высказался нѣсколько ранѣе А. Вицынъ въ своей специальной монографіи по этому предмету ¹⁾.

„Изъ памятниковъ отечественной старины — говор. онъ — усматриваемъ, что уже въ XVI, XV и XIV столѣтіяхъ предки наши судились *предъ третьими*. Но на XIV столѣтіи и прекращаются свидѣтельства исторіи; *дальше встарь нейдутъ они*. „А чего ми будетъ искати на твоихъ боярехъ, или чего искати тобѣ на моихъ боярехъ, намъ отослати отъ себе *по боярину*, тѣ тому учинятъ исправу, а ци о каковы дѣлѣ сопрутся, ѣхати имъ на третій, кого себѣ изберутъ, тамо ѣхавъ перемолвятся“, — вотъ древнѣйшее (сколько я знаю) извѣстіе о третейскомъ судѣ, сохранившееся до насъ въ договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Івановича Донскаго съ княземъ Серпуховскимъ Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ. (1362) Нѣкоторые изслѣдователи нашего древняго юридическаго быта видятъ еще посредниковъ въ 12 человекъхъ, упоминаемыхъ въ одной статьѣ ²⁾ Русской правды и высказываютъ съ большею или меньшею увѣренностью различныя предположенія о порядкѣ выбора этихъ посредниковъ, родѣ дѣлъ, подлежащихъ разбирательству и т. д. Но всѣ эти предположенія нисколько не подкрѣпляются самою статьєю Русской правды, какъ не подкрѣпляются и никакимъ другимъ положительнымъ указаніемъ, а только *можетъ быть*. Потому, не отвергая возможности, что 12 мужей дѣйствительно были посредники, избиравшіеся каждый разъ тяжущимися дня рѣшенія ихъ спора (а если *присяжные*?), мы не можемъ положительно говорить о нихъ, какъ о третейскихъ судьяхъ, и въ темной статьѣ краткой Правды видѣть свидѣтельство о существованіи третейскаго суда во время ея

¹⁾ А. Вицынъ: Третейскій судъ по русскому праву М 1856.

²⁾ Ст 14 Акад синска см виже

составленія. *Нѣтъ однако же и никакого* основанія заключать, что судъ третейскій явился впервые у насъ только въ XIV вѣкѣ; напротивъ есть основанія относить начало его къ временамъ болѣе отдаленнымъ. Вотъ онъ: въ древнѣйшей грамотѣ, въ которой упоминается о третейскомъ судѣ, о немъ говорится какъ объ учрежденіи извѣстномъ, вслѣдствіе за нею видимъ множество *примѣровъ* третейскаго суда, чего не могло бы быть, еслибы онъ не былъ въ обычаѣ ранѣе; новыя обычаи такъ скоро не распространяются. Въ договорныхъ грамотахъ князей, древнѣйшихъ памятникахъ нашего учрежденія опредѣляется вообще только обязательство идти на судъ третьяго, рѣдко способъ образованія самого суда и никогда порядокъ производства дѣлъ въ немъ, слѣд. то и другое предполагалось извѣстнымъ, слѣдов. и учрежденіе было извѣстно, прилагаюсь къ дѣлу и т. д. ¹⁾“.

Сравнивая и взвѣсивая мнѣнія этихъ двухъ изслѣдователей нашей старины приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Съ XIV вѣка дѣйствованіе у насъ третейскаго суда засвидѣтельствовано документально: фактъ его примѣненія съ этого времени и—какъ показываетъ названное изслѣдованіе Вицына—и во всѣ послѣдующія времена до XIX в. включительно, не подлежитъ сомнѣнію.

2) Проводникомъ началъ греческаго законодательства въ насъ о третейскомъ судѣ было *духовенство русское*—именно *практикою* этого суда. (Неволинъ).

3) Тотъ и другой изъ изслѣдователей жалуются на недостатокъ извѣстій о фактическомъ примѣненіи третейскаго суда вообще и о рѣшительномъ отсутствіи оныхъ за время древнѣйшее XIV вѣла, въ тоже время поражаясь рѣшительностію тона какимъ говорятъ документы этого вѣка о третейскомъ судѣ, какъ объ учрежденіи твердо уже укоренившемся въ русской бытовой жизни.

Отъ этихъ нерѣшительныхъ заявленій представителей старой школы рѣзко отличается слѣдующее мнѣніе по данному вопросу одного изъ представителей новой, пользующееся большимъ авторитетомъ:

„*Несолименно*—говоритъ проф. Н. Дювернуа—что въ тече-

¹⁾ Вицынъ, ц соч стр 5, 6

ни *всей эпохи* господства обычного права (т. е. съ начала Руси по XV в.) наиболѣе распространенной формой суда была форма третейская и другія родственныя ей формы договорнаго разрѣшенія споровъ.... Болѣе или менѣе ясные слѣды договорнаго начала сохраняются и въ томъ порядкѣ суда, гдѣ судьей является лицо, облеченное публичною властью. Формы процесса въ Новгородѣ такъ сильно проникнуты этимъ началомъ, что въ нихъ особенно чувствуется близкое соприкосновеніе между *судомъ, чтобы ни былъ судья, и сдѣлкой, вольнымъ рядомъ* (т. е. полюбовнымъ соглашеніемъ, договоромъ). Не въ такой мѣрѣ, конечно, но и въ Московской практикѣ усматривается тотъ же элементъ. Въ одномъ судномъ дѣлѣ XV вѣка мы видимъ, что по спору о пустоши, тяжущіеся *выслали каждый* своего судью для разбора дѣла и эти *свѣзжіе судьи* „зарядили себѣ третьяго, государя великаго князя Ивана Васильевича“ ¹⁾. Начало *власти* въ дѣлѣ суда въ княжескихъ волостяхъ проходитъ несомнѣнно далѣе, чѣмъ въ вольныхъ городахъ, но и здѣсь *не могло* не остаться слѣдовъ *договорнаго* элемента въ процессѣ. Судебникъ (Ивана IV) не склоненъ противодѣйствовать миролюбивому исходу тяжбъ. Напротивъ онъ поощряетъ, иногда даже вынуждаетъ тяжущихся къ сдѣлкамъ. „А кто кого—читаемъ въ одной изъ статей (33) поймаетъ приставомъ въ бою или въ лафъ, или въ займѣхъ, и *на судъ идти не восхотятъ*, и они, доложя судыи, помирятся, а судѣ на нихъ продажи (т. е. судебной пошлины) нѣтъ, опроче ѣзду и хоженнаго“. Законъ устанавливаетъ стало-быть такое положеніе, въ которомъ для спорящихъ *мировая сдѣлка* на чемъ бы она ни состоялась, непременно выгоднѣе, нежели судъ, ибо

¹⁾ Великій князь въ качествѣ суперъарбитра и рѣшилъ дѣло (См. А до Юр б отн I, № 103) Тягачи не лица сами по себѣ не важныя: „митрополитъ посельской Вакулка съ Воицлавскимъ посельскимъ, съ Лешюю“. Но „свѣзжими судьями“ были со стороны Митрополита Феодосія Семеновъ дворецкой, а со стороны князя Андрея Васильевича (роднаго брата Великаго князя) судья Иванъ Хвощинской“ Не значительная по существу и по тяжущимся лицамъ тяжба задѣваетъ очень важный вопросъ: Митрополиту, или князю Андрею принадлежить земля, пользованіе которою то посельскіе митрополиты, то посельскіе князие Этимъ объясняется выборъ въ суперъарбитры такого важнаго лица, какъ Государь великій князь Иванъ Васильевичъ. III

она пеключаетъ продажу..... Мировой сдѣлкой можно замѣнить судебное рѣшеніе всякой стадіи процесса. Въ указанномъ мѣстѣ Судебника тяжущіеся только еще „поимались приставамъ и не восхотѣли идти къ суду“. Въ другомъ случаѣ видимъ, что процессъ передъ даннымъ судьей Великаго князя былъ уже оконченъ, оставался только докладъ: тогда стороны „захотѣли“ помириться не ѣздя къ докладу, и вмѣсто суда и доклада, урядились рядомъ“. (Акт. Ю. № 269) ¹⁾.

По этому воззрѣнію выходитъ, что третейскій судъ не съ XIV только вѣка какъ то внезапно появился въ Россіи и педуховенство ввело его въ житейскую практику, руководясь само греческимъ законодательствомъ и обучая послѣднему русскихъ людей, но онъ практиковался искони на Руси, какъ самобытное явленіе, охраняя жизненную силу свою, даже и въ Московскомъ государствѣ, когда прочно утвердился въ строгомъ смыслѣ коронный судъ.

Собственно говоря намъ нѣтъ интереса заниматься рѣшеніемъ вопроса съ какого времени и какими путями вошелъ въ практику древней Руси третейскій судъ? Но почтаемъ не лишнимъ высказать замѣчаніе по поводу категорическаго заявленія Вицына, что „свидѣтельства исторіи о третейскомъ судѣ далѣе XIV вѣка встарь не идутъ“. Такое заявленіе основывается на слишкомъ буквальномъ и узкомъ пониманіи термина: „третейскій“. Употребленія терминовъ: „третей“, „третьихъ“ дѣйствительно не встрѣчается въ документахъ ранѣе договорной грамоты 1362 года. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Въ крайнемъ случаѣ, — т. е. если предположить, что здѣсь виновата не бѣдность нашихъ архивовъ, а сама дѣйствительность,—только то, что до XIV вѣка у насъ на Руси не практиковалось *той формы третейскаго суда*, какая встрѣчается въ первый разъ въ княжескихъ договорахъ XIV вѣка. Какая же это форма?—Довольно сложная съ суперарбитромъ въ составѣ избранныхъ судей. Но развѣ безъ суперарбитра не можетъ быть третейскаго суда? Конечно, можетъ; онъ даже наиболѣе употребителенъ и наиболѣе желателенъ. Это замѣтно и въ разсматриваемомъ документѣ XIV вѣка гдѣ третій назначается только на крайность: „а о каковѣ

¹⁾ Дювернуа. Источники права и судъ въ древней Руси, стр. 332—334 М 1869

дѣлѣ *сопругея*“; если же не сопругея, а придуть къ соглашенію, дѣло на томъ и оканчивается.

Сущность третейскаго суда въ свободномъ избраніи самими тяжущимися въ качествѣ судей какого либо третьяго или третьихъ по отношенію къ нимъ лицъ и въ добровольномъ подчиненіи *ихъ мнѣнію* или рѣшенію (*arbitrium*). Суперарбитръ третье лицо, посредникъ для самихъ арбитровъ—есть случайность, обусловливающаяся неудачнымъ выборомъ первыхъ арбитровъ у которыхъ оказался или недостатокъ разума для распутанія сложнаго дѣла, или недостатокъ нравственнаго мужества—отнестись объективно, безпристрастно къ обѣимъ сторонамъ, неуступчивость, сварливость собственного права. Главное назначеніе третейскаго суда—не удовлетвореніе строгой правдѣ закона, а прекращеніе вражды, распри, хотя бы и съ пожертвованіемъ своимъ правомъ, миръ, пріобрѣтенный взаимною уступкою. Посему третейскій судъ и называется *compromissum*, посему же и въ третейскіе судьи избираются не столько знатоки закона (хотя, конечно, могутъ избираться и они) сколько „добрые люди“ вообще, г. е. добрые и въ гражданскомъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Этотъ же договорный элементъ, составляющій сущность третейскаго суда, а за тѣмъ мпротворческая его задача облачаютъ его въ дѣйствительномъ приложеніи въ самыя разнообразныя формы, какъ разнообразны формы договора и условій примиренія вообще. Въ довольно разнообразныхъ и своеобразныхъ формахъ третейскій судъ выступаетъ, какъ созданіе національнаго *русскаго* генія, и въ памятникахъ древнерусскаго права, которые просмотрѣлъ Вицинь, не встрѣтивъ въ нихъ слова третейскій.

Что же это за формы древнерусскаго третейскаго суда и какія изъ нихъ практиковались духовными лицами.

Такими формами служили слѣдующія:

1) Третейскій судъ съ суперарбитромъ: положеніе послѣдняго въ составѣ судей весьма нерѣдко принадлежало митрополиту.

2) Третейскій судъ безъ суперарбитра, изъ нѣсколькихъ лицъ, во главѣ которыхъ стоитъ игуменъ: иногда въ качествѣ третейскихъ судей является только игуменъ съ братією.

3) Мировой рядъ—весьма употребительная форма окончанія тяжбъ полюбовнымъ соглашеніемъ тяжущихся при уча-

стии „рядцевъ и послуховъ“, между конми въ главѣ стоитъ игуменъ или „нопь“.

Прежде нежели перейдемъ къ обозрѣнію этихъ формъ въ отдѣльности, почитаемъ нужнымъ представить слѣдующее лѣтописное описаніе „тяжн“ или тяжбы между двумя князьями, древнѣйшее изъ доселѣ извѣстныхъ.

Для насъ оно имѣетъ двоякій интересъ: во 1-хъ представляетъ фактическое подтвержденіе положенія, что „наиболѣе распространенной формой суда (въ древней Руси) была форма третейская... что ясныя слѣды договорнаго начала сохраняются и въ томъ порядкѣ суда, гдѣ судьбою является лицо, облеченное публичною властью“; во 2-хъ упомянутая тяжба (XII вѣка) служитъ такъ сказать прямымъ прототипомъ тѣхъ формъ третейскаго суда, съ которыми мы встречаемся въ княжескихъ договорахъ XIV и слѣд вѣковъ.

Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1169 годомъ читаемъ слѣдующую повѣсть:

„Вииде Мьстиславъ въ градъ (Кіевъ) мѣсяца Мая въ 15 день и съѣде на столѣ Ярославли и отца своего (Ізяслава) и дѣдъ своихъ. И нача Володиміръ Мьстиславичъ (братъ) думать на Мьстислава. И ту бѣ въ то веремя мужъ Давыдовъ Василь Настасичъ; и пріѣхавъ повѣда князю своему; Давыдъ же яви брату Мьстиславу. Володиміръ же увѣдавъ, оже Мьстиславу явлена бысть дума его, и пріѣха оправливаться“.

„И пріѣха Мьстиславъ у Печерскіи монастырь, и за шмъ Володиміръ пріѣха. И повелъ ему (т. е. Владиміру) съѣсти въ икономли кельи, а самъ съѣде въ игумени кельи. И пославъ къ нему Мьстиславъ и рече: брате! что дѣля еси пріѣхаль? а язъ по ты не посылаю“. И приела Володиміръ дьячка Имормыяка, рече: „брате, слышалъ семь, оже суть молвили на мя зліи челоуѣци“. Рече Мьстиславъ: „повѣдать ми братъ Давыдъ“.

„И послана къ Давыдови Вышегороду, и приела Давытъ Василя на *тяжю* и *пристави* къ нему Радилу тысяческаго и Василя Волковича. И наки прѣядавъ Мьстиславъ 3 дни и пріѣха ту же въ Печерскіи монастырь; и Володиміръ приела *мужи свои*, Рагуниа и Михаля; и начаша спиратися съ Василемъ и вылезе послухъ по Василю Давыдъ Борыничъ Мьстиславъ же положи то на Бозъ и рече Володи-

миру: „брате, хрестъ еси цѣловаль, а и еще ти уста не ох-ла, но обаче то есть отецъ нашихъ и дѣдъ нашихъ утвер-женіе, а кто преступитъ, а Богъ ему буди судья; а нынѣ яко на мя еси не думаль и не ищещи ми лиха, цѣлуй ми хрестъ“. Володимиръ же рече: „радъ, брате, цѣлую, а то все на мя ляжа“, и цѣлова крестъ. Мьстиславъ же от пусти и въ Котельничю“³⁾).

Вотъ образчикъ судебного процесса XII вѣка. Полагаемъ, что читатель, воспитанный въ современныхъ понятіяхъ о судѣ не сразу и легко разберется въ этой повѣсти, каса-тельно вопросовъ: когда началась собственно тяжба или процессъ? Кто—тяжущіеся и кто—судьи? Какое значеніе въ судѣ имѣли „мужи“ князей?

Въ виду сего почитаемъ не лишнимъ представить слѣдую-щій комментарий къ этой повѣсти.

Можно толковать повѣсть такимъ образомъ: Дѣло разби-раетъ Великій князь, предъ которымъ желаетъ оправдаться оговоренный въ замыслахъ противъ него удѣльный князь. Мѣсто суда—Печерскій монастырь. Князь—судья засѣдаетъ въ кельяхъ игумена, подсудимый—въ келѣ эконома. Какъ лицо опороченное предъ Великимъ княземъ, подсудимый не является къ нему на лицо для объясненій и ведетъ пере-говоры чрезъ посредника—дьячка Имормыжу. Когда откры-лось—откуда идетъ оговоръ, посылаютъ въ Вышгородъ къ князю Давиду, при чемъ на три дня удаляется изъ мона-стыря и Великій князь. Князь Давидъ самъ не явился въ Печерскій монастырь, но послалъ туда „на тяжу“ Василья Настасьича, отъ котораго и вышелъ оговоръ на Владиміра и „приставилъ“ къ нему „двухъ мужей своихъ“ „Прислать“, или выставилъ съ своей стороны *двухъ мужей* и князь Вла-димиръ. Черезъ три дня снова прибылъ въ Печерскій мона-стырь Великій князь. Въ присутствіи обоихъ „тягавшихся“ (т. е. князя Владиміра и Василья Настасьича) Великій князь вмѣстѣ съ четырьмя „мужами“ князей, рассмотрѣлъ дѣло. Выраженіе лѣтописи: „и начаша спиратися съ Василемъ“ можно понимать такъ, что спирались или тягались кн. Вла-димиръ съ Василемъ; но нѣтъ никакого препятствія пред-ставлять принимавшими участіе въ этомъ спирательствѣ и

³⁾ Полное собр. русск. лѣтоп. Т. II, стр. 96

княжихъ мужей. „И вылезе послухъ по Василіи“ — гов. дѣтопись: т. е. Василій сослался на послуха, котораго въ этомъ качествѣ допустили обѣ стороны. Князь Владиміръ оказался виновнымъ, но противъ него былъ только *одинъ* послухъ и онъ продолжалъ заператься въ своей винѣ. Тогда Великій князь рѣшилъ представить дѣло суду Божію: „положи то на Бозѣ“—предложилъ подеудимому принести очистительную присягу, послѣ которой дѣло и окончилось.

Можно толковать разсматриваемую повѣсть и нѣсколькo иначе, именно такъ:

Она содержитъ двѣ части: прологъ къ тяжбѣ и описаніе послѣдней. Прологъ содержитъ только рассказъ или объясненіе того, какимъ образомъ *завязалась* между княземъ Владиміромъ и Васильемъ Настасьичемъ тяжба. Оговоренный предъ Великимъ княземъ въ замыслахъ противъ него, князь Владиміръ пожелалъ „оправиться“ формальнымъ судомъ. Для сего составленъ былъ въ Печерскомъ монастырѣ „общій судъ“ изъ „сѣѣзжихъ 4-хъ судей-мужей княжихъ. Они разобрали тяжбу и рѣшеніе свое доложили Великому князю который съ своей стороны предложилъ обвиненному очистительную присягу,

Согласно такому толкованію, разсматриваемая тяжба будетъ представлять образчикъ третейскаго суда XII вѣка и въ этомъ качествѣ можетъ быть представлена какъ иллюстрація или фактическое приложеніе той формы третейскаго суда, которую мы встрѣчаемъ весьма обычною въ XIV вѣкѣ.

Но правильно ли, допустимо ли такое толкованіе? Можно ли называть судьями выше названныхъ четырехъ княжихъ мужей? Не простые ли они повѣренныя князей, подобные современнымъ присяжнымъ повѣреннымъ?

Отвѣчаемъ: нѣтъ и нѣтъ! Что „повѣренныя“ допускались въ древнерусскомъ судѣ вмѣсто самихъ тяжущихся, — это не подлежитъ сомнѣнію ¹⁾: но они въ этомъ качествѣ ясно

¹⁾ Въ одномъ судномъ дѣлѣ 1532 г. читаемъ: „Се язъ, Ѳедко Григорьевъ сынъ, слуга Кириллова монастыря, что еси *исла гъ въ игумена мѣсто* въ Корнильево и во всей братіи мѣсто Кириллова монастыря, на шукменѣ на Геласіи и на всей братіи Никольскаго монастыря Вяжицкаго *передъ банными судьями*, предъ Иваномъ Офонасьевымъ а въ игуменомъ мѣсто Геласіево и во всей братіи, ставъ на той землѣ, *отвѣчалъ* предъ судьей Сергѣево Семеновъ сынъ, конюхъ Вяжицкаго монастыря Имя,

и отличаемы были отъ судей. Въ данномъ же случаѣ они совѣтъ не были нужны: ибо тяжущіеся лично были на судѣ. Но за чѣмъ же присутствовали „мужи“ обоихъ князей и при томъ отъ одного изъ князей даже „тысяцкій“? Въ томъ и дѣло, что одною изъ существенныхъ и характерныхъ чертъ древнерусскаго судоустройства служило то, что въ составъ суда, кто бы ни былъ главнымъ его членомъ— князь ли, владыка ли, посадникъ, тысяцкій или какой другой княжескій чиновникъ не премѣнно находились выборные съ той и другой стороны „люди“, или какъ въ данномъ случаѣ „мужи“. Новгородская Судная грамота 1471 г. постановляетъ: „А саязати къ суду *по два* человека (т. е. съ каждой стороны). А кто кого къ суду посадитъ по тотъ съ тѣмъ и вѣдается. А посадника и тысяцкого и владычня наместника и ихъ судей съ суда не сивати ¹⁾).

„А въ туиѣ одринѣ (т. е. въ туиовой палатѣ, или камерѣ) быти по пристапу съ сторону *людемъ обобримъ*, да судити имъ правду, крестъ поцѣловавъ на сеи на крестной грамотѣ“ ²⁾).

„А докладу (2-я высшая судебная инстанція) быти во владычѣ комнать, а у докладу быти изъ конца по боярину, да по живьему, *да кои люди въ судѣ судити*, да и приста- вомъ“ ³⁾).

Такъ организовавъ были судѣ по законодательно-вѣчевому памятнику XV вѣка. Въ древнѣйшую эпоху значеніе „людей“ (т. е. избранныхъ сторонами судей) въ составъ суда, было отнюдь не меньшее. „Читая Русскую Правду — гов. г. Дювернуа—нельзя себя представить почти ни одного юридическаго акта, который бы совершался иначе, какъ въ присутствіи многихъ лицъ, „людей“, какъ ихъ чаще всего называетъ намятникъ. Такъ договариваются съ закупомъ, такъ покупаютъ вещь, такъ сдаютъ наследство опекуну малолѣтнихъ. Вездѣ „люди“ или въ определенномъ или въ неопределенномъ числѣ. Весь ходъ процесса мышимъ только при участіи этихъ людей: они нужны для поручительства, для

оба псада, изъ Ѳедко въ игуменово мѣсто и во всей братіи, и изъ Сергѣйко въ игуменово дѣ мѣсто и во всей братіи довола судѣ въ иску помпривисъ“ Д Ю. № 155

¹⁾ Ст 5 (Владимирскій Бздановъ, Христомагія, стр 173)

²⁾ Тамъ-же, стр 25.

³⁾ Тамъ-же, стр 26

послушества, для сохраненія въ памяти судебнаго рѣшенія; исполненіе рѣшенія совершается тоже на торгу, стало быть при тѣхъ же людяхъ. Такимъ образомъ публичность дѣйствіи суда, присутствіе людей входитъ какъ органическій элементъ въ тогдашнее судоустройство и судопроизводство. Иногда, какъ видно въ договорѣ Смоленскаго князя (1229 г.), стороны прямо обращаются къ *добрымъ мужамъ* и ихъ рѣшеніе дѣлаютъ для себя обязательнымъ, какъ было бы для нихъ обязательно рѣшеніе публичнаго суда. Такое же значеніе, по всей вѣроятности имѣли и тѣ 12 мужей, на которыхъ указываетъ старая Правда въ 14 ст. (Акад. сл.). Далеко не такъ легко, какъ кажется, особенно при скудныхъ средствахъ нашей древней письменности, прослѣдить отношеніе людей, на которыхъ шлются стороны, къ органамъ публичной судебной власти. Мы видимъ только, что число этихъ лицъ можетъ быть очень значительно. Толпа вовсе не пугаетъ судей въ это время. Они не боятся „наводки“ противъ „наводки“: законъ не указываетъ никакихъ мѣръ, какъ это будетъ позже въ Судебникѣ, въ Новгородской, въ Псковской Судной грамотѣ.¹⁾ Напротивъ, Судный Законъ какъ будто считаетъ нужнымъ присутствіе массы лицъ на судѣ: послуховъ требуется тѣмъ больше, чѣмъ выше цѣна иска. Цифра доходитъ до 18-ти²⁾.

Такимъ образомъ, какъ бы мы ни толковали вышенаведенную лѣтописную повѣсть о княжеской тяжбѣ, мы не избѣжно должны признать въ ней элементъ *третейскаго суда*. „Мужья“ князей по два „съ обѣ стороны“ суть избранные или третейскіе судьи, „общіе“ или „свѣззіе судьи“ Великій князь—или высшая судебная инстанція, или *высшій третій*—суперарбитръ.

Можетъ представиться страшнымъ, какимъ образомъ „мужья“ князей, слѣдов. ихъ подчиненные могли быть судьями князей, хотя бы и третейскими? Это дѣйствительно странно, но мы имѣемъ множество примѣровъ изъ послѣдующихъ вѣковъ, что въ тяжбахъ между князьями судьями третейскими обычно были *ихъ бояре* съ тѣмъ только непремѣннымъ условіемъ, что они избирали или—выражаясь языкомъ того времени „*изражали себя третьяго*“—суперарбитра

¹⁾ Довернова. Источники Права и судъ стр. 167—168.

Таковымъ суперарбитромъ, какъ было сказано выше, избранъ *даже обязательно*, митрополитъ.

Вотъ эти примѣры.

Въ „докончальной“ (договорной) грамотѣ Вел. князя Дмитрія Иоанновича Донскаго съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ отъ 1388 года читаемъ:

„А которая дѣла учинятся *межи нами*, и намъ отъслати своихъ бояръ, и нѣ (и они) исправу учинять; а о чемъ сопрутся, или (и они) ѣдутъ къ митрополиту, а не будетъ митрополита въ сей землѣ, и нѣ на третій, кого себѣ изберуть: а которые бояре умоляютъ, то подойдетъ князь, котораго умоляютъ (т. е. повинять, осудять), а боярамъ вины нѣтъ“¹⁾.

Въ договорной грамотѣ Рязанскаго князя Ивана Федоровича съ княземъ Георгіемъ (Юріемъ) Дмитриевичемъ Галицкимъ отъ 1433 г. читаемъ:

„А что ея про *межи насъ* учинить какова обида и намъ отъ слати своихъ бояръ и они учинять исправу; а о чемъ ея сопрутъ, ино *имъ третьей отецъ нашъ митрополитъ*; а кого митрополитъ обвинить, ино ему обидное отдати, а не отдасть ино тебѣ то великому князю отпавити, а то тебѣ не въ измѣну, а такъ съ обѣ стороны“²⁾.

Въ договорной грамотѣ Суздальскихъ князей Василья и Федора Юрьевичей съ княземъ Дмитриемъ Юрьевичемъ (Шемякою) отъ 1446 г. читаемъ:

„А обѣ обидныхъ дѣлъхъ тебе, господине, отъслати судей *опчихъ*, и намъ, господине, отслати своихъ судей, и ни тому исправу учинять, а чего наши судьи не узнаютъ, ино имъ третей ты, господинъ нашъ князь Дмитрій Юрьевичъ, *до отца твоего до митрополита*“³⁾.

Въ договорной грамотѣ князя Тверскаго Бориса Александровича съ Вел. Кн. Василіемъ Васильевичемъ отъ 1451 года читаемъ:

„А что судили *Киприанъ митрополитъ судей нашихъ обчихъ* Полукарпа и Михайла, и Ивана, и Клеменьтя, или что судили судьи наши обчїи и грамоты подавали, и что будетъ взято, то взято, и что будетъ не взято, то есмь по-

¹⁾ Собр. Госуд. Грам. и договор. Т. I, № 33.

²⁾ Тамъ же, № 48.

³⁾ Тамъ же, № 62.

гренули (отступились) и граматы тѣхъ судовъ подрали, а кто выложитъ тѣхъ судовъ граматы, ино ихъ подрати же“¹⁾.

Въ договорной граматѣ Суздальскаго князя Ивана Васильевича съ Вел. княземъ Василиемъ Васильевичемъ отъ 1451 г. читаемъ:

„А каковы, господине, дѣла учпяются твоимъ людемъ Великаго князя и твоихъ дѣтей всего вашего великаго княженья съ моими людьми, и судьи, господине, наши съѣхався учпяютъ имъ псправу на обѣ стороны, а о чемъ ея судьи сопрутъ, ино имъ третей, господине, отецъ нашъ святыи *Иона митрополитъ* всея Руси“²⁾.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, митрополитъ всея Руси въ званіи суперъ арбитра третейскаго суда въ гражданскихъ тяжбахъ князей древней Руси—былъ явленіемъ весьма обыкновеннымъ.

Случаевъ, когда бы онъ, равно какъ Архіепископъ или епископъ выступали въ званіи „первыхъ третьихъ“, или просто третейскихъ судей, мы не знаемъ: да едва ли и могли быть такіе случаи: сословіе іерарховъ въ то время и въ гражданскомъ быту стояло слишкомъ высоко для этого.

Но нѣтъ недостатка въ примѣрахъ что въ званіи „первыхъ третьихъ“ выступаютъ *игумены монастырей*.

Отъ половины XVI-го вѣка до насъ дошелъ весьма интересный документъ—формальная „запись“ и прошеніе 4-хъ Кемскихъ (Бѣлозерскаго уѣзду) князей на имя Аѳанасія игумена Кирилло-бѣлозерскаго монастыря съ братією о принятіи имъ на себя званія третейскаго судьи по дѣлу о раздѣлѣ между ними вотчины послѣ бездѣтно умершаго ихъ родственника князя Михайла Кемскаго. Эта запись XVI-го вѣка такъ юридически безукоризненно излагаетъ предметъ „дѣла“, которое предлежитъ рѣшить, условія и обязательства тяжущихся, равно какъ и спеціальныя полномочія третейскаго судьи, что она возымѣла бы полную силу и въ *настоящее время* какъ вполне удовлетворяющая требованіямъ ст. 667, 668, 669, 674 Свод. XVI, Разд. VII. Гл. 3. Неопровержимое свидѣтельство—что въ этотъ вѣкъ практика третейскаго суда была такъ обычна, что и безъ писаннаго закона

¹⁾ Тамъ же № 76

²⁾ Тамъ же №№ 80 и 81

были весьма хорошо извѣстны въ деталяхъ обряды и формальности этого рода судопроизводства.

Содержаніе этой записи слѣдующее:

Мы, князья Кемскіе Александръ и Семень Ивановы родные братья бездѣтно умершаго князя Кемскаго Михаила Иванова, и мы племянники его Кемскіе князья Иванъ Фѣдоровъ и Давидъ Андреевъ были челомъ Игумену Кириллова монастыря Аванасію о низгелѣдующемъ: Нашъ братъ (двухъ первыхъ) князь Михаилъ и дядя (двухъ вторыхъ) умеръ бездѣтно, оставивъ послѣ себя отчину (перечисленіе 9-ти владѣній, составляющихъ отчину); а отецъ нашъ, князь Иванъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи написалъ, что въ случаѣ какой изъ насъ братьевъ умретъ бездѣтно, — намъ остальнымъ его отчину оцѣнить чрезъ „добрыхъ людей“: цѣну раздать по монастырямъ и церквамъ на поминъ души умершаго и всего рода, а земли вотчины раздѣлить между собою „передъ третьимъ“. Вотчину мы полюбовно оцѣнили въ 300 руб. и раздали по монастырямъ (150 р. Кириллову монастырю). Теперь мы четыре вотчины бьемъ челомъ государю своему Игумену Аванасію, что бы пожаловалъ—послать соборнаго старца подѣлить означенную вотчину на четыре жеребья и если при этомъ разверстаніи произойдетъ между нами споръ, то мы полагаемся на игумена Аванасія со старцами и на того старца, который будетъ посланъ и какъ они порѣшатъ, на томъ и обязуемся стоять. А за тѣмъ, по разверстаніи вотчины на участки, „ямы покопать, грани протесать и межи росписать“ этимъ участкамъ и распредѣлять ихъ по жеребью, наконецъ „и дѣловые“ (грамоты) пописать и къ дѣловымъ руки свои приписать“. Все это дѣлать при соборномъ старцѣ, коего пришлетъ Игумень Аванасій и при „добрыхъ людяхъ“, копъ пришлетъ каждый изъ вотчиней. Если же кто изъ нихъ въ чемъ либо нарушитъ означенныя условія и не послушается суда Игумена Аванасія, на томъ взыскать остальнымъ 300 р. (цѣну вотчины) и „въ томъ правымъ на виноватаго дать записъ безъ боярскаго доклада“. Раздѣлъ должно произвести „гѣта 7059“¹⁾.

Какъ видно изъ этой „записи“, Игумень со старцами уполномочены на полныхъ правахъ третейскаго суда,—при

¹⁾ А. Ю. № 259

чемъ оговорено обязательство подсудимыхъ не искать *перрешенія* (или апелляціи); исполненіе рѣшенія гарантировано пенею въ 300 рублей.

Изъ начала XVI вѣка до насъ сохранился приговоръ третейскаго суда—во главѣ съ *Игуменомъ Нифонтомъ*, установившій „межу“ между двумя спорными земельными владѣніями. Третейскій судъ здѣсь выступилъ послѣ того, какъ спорившіе уже начинали тяжбу предъ судьями Великаго Князя. Приговоръ обезпеченъ пенею въ 20 рублей. Вотъ его подлинникъ (съ опущеніемъ не интересной части):

„Се язъ старецъ Алексѣй да язъ старецъ Антоней *Кириллови монастыря*, да язъ Яковъ да язъ Якимъ Ивановы дѣти Тимоѣева сына Трусова (вотчинники), что есмя взводилъ *судей Великаго Князя*: Пвана Злобина да Митюши Лыкова по Кирилловскихъ старцевъ по Антонья да по Алексѣя, — въ *межахъ*, въ землѣ, въ лѣсу, промежу Нагоріемъ да и Гладьковскимъ починкомъ: и мы себѣ *не ставя судей*, да помирлились, доспѣли есмя между собою полюбовную межу, а полюбили есмя себѣ *обои исци третихъ*: игумена Нифонта, да Ондreja Григоріева сына Дядю, да Якимъ Сухово Дмитресва сына, положилися есмя обои исци на *тѣхъ третихъ*, какъ намъ укажутъ межу, та намъ межа любя. И *третіе* ставъ на землѣ молвилн: съ Бѣлаго болотца, съ середки (описание межн)..... А полѣзуть за межу Яковъ или братъ его Якимъ, ино на нихъ *двадцать рублевъ*; а полѣзуть старци за межу ино на старцѣхъ двадцать рублевъ. А туто были *мужи*: Сидоръ и проч.“¹⁾ Отличительною чертою этого третейскаго процесса по сравненію съ предыдущимъ является большая активность самихъ тяжущихся. Оставя судъ, въ которомъ они тягались, они примирились и уже до третейскаго приговора согласились между собою на „полюбовной межѣ“, такъ что избраннымъ третьимъ оставалось только констатировать и закрѣпить эту заранѣе условленную межу, или полюбовное рѣшеніе спора. Мы встрѣчаемъ здѣсь форму третейскаго суда, такъ близко подходящую къ „вольному ряду“, или „мпровой“, что между ними дов. трудно провести разграничивающую ихъ черту. Какъ близко подходитъ этотъ

¹⁾ А. Ю. № 149: „Розьязная“ (1526 г.)

процессъ къ слѣдующей напр. „мировой записи“, явленной предъ архимандритомъ:

„Се язъ, Гаврила Стахѣевъ сынъ Дровневъ, Тихвинскаго посаду жительство, далъ есмь сію на себя запись Тихвинцу, посадскому человѣку Ивану Анкіеву сыну, въ томъ, что въ нынѣшнемъ въ 192 году Юня въ 9 день будучи хмѣльны я, Гаврила, съ нимъ, Иваномъ, межъ себя побранилися и я Гаврила его Ивана дерзнулъ ножемъ въ правое стегно; и нынѣ я Гаврила съ нимъ Иваномъ договорися въ томъ ножевомъ рѣзаньи и помирилися, а за увѣче и за безчестье и на личбу въ томъ ножевомъ рѣзаньи онъ Иванъ у меня Гаврилы, по договору, себѣ взялъ все исполна, и въ томъ договорѣ у меня Гаврилы съ нимъ Иваномъ подано отцу архимандриту Макарію съ братією *обчая мировая заручная* челобитная, и впредь мнѣ Гаврилѣ на его Ивана, на жену его и на дѣтей его напрасно не паходить и не бранить, и тѣмъ ножевымъ рѣзаньемъ не поносить и не безчестить, и денежнымъ платежемъ не порекать. А буде я Гаврила впредь на его Ивана, на жену и на дѣтей его, учну напрасно паходить и бранить и тѣмъ денежнымъ платежемъ учну поносить, и буде въ чемъ противъ сеі записи въ словѣ своемъ не устою, и ему Ивану взять на мнѣ Гаврилѣ, за мою неустойку по сеі записи денегъ десять рублей. А ся запись впредь въ запись 7122 году“ ¹⁾

Подобнаго рода полюбовныхъ „мировыхъ записей“, „поступныхъ“, „отступныхъ“, „данныхъ“, „разъѣзжихъ“ дошло до насъ очень много ²⁾. Не рѣдко подобныя акты скрѣплялись и бѣлымъ духовенствомъ. Вотъ напр. такого рода актъ (XIV или XV в.):

„Се язъ князь Федоръ и князь Осифъ князь Константиновъ дѣти Угольсково подѣлили есмя село Покровское, по любви, по отца своего благословенью: дворъ по половинамъ и полосы; мнѣ, князь Федору, полоса сѣверная, а мнѣ, князь Осифу, полоса южная, и земля въ селѣ и въ деревнѣ въ Брагинѣ и въ Мелеховѣ деревнѣ пашни по половинамъ; а мнѣ ся, князь Федору, достало: изба большая, да повалуша,

¹⁾ А. Ю. № 276.

²⁾ Напр. А. Ю. № 109, 147, 110, 122. „а на то поставъ . отецъ мой духовный, протопопъ Мироненской Семень“

да сѣлникъ, а мѣ, князь Осифу, досталось: горница съ сѣньми и съ подсѣньми; а кой насъ ся станетъ передѣливати село Покровское съ дворы и съ пашнями, деревню Брагино и деревню Мелехово, на томъ пятьдесятъ рублевъ. На то послухи..... А на дѣду былъ священ(никъ) Автономъ и руку приложилъ. А на дѣду былъ дьяконъ Василей и руку приложилъ. Лѣта 7049 (1541) ¹⁾.

Но особеннаго нашего вниманія заслуживаетъ серія „рядныхъ грамотъ“ Новгородскихъ изъ XV вѣка, помѣщенныхъ въ актахъ юридическихъ подъ № 257. Они—памятники акта, имѣющаго природу третейскаго суда—мироваго ряда.

„*Мировой рядъ*“—какъ это видно изъ означенныхъ грамотъ—есть миролюбивое рѣшеніе тянувшейся дотолѣ тяжбы. Его связь съ судебнымъ процессомъ, его предварявшимъ, открывается во 1-хъ изъ того, что пеня, которою обыкновенно гарантируется исполненіе обѣими сторонами заключеннаго ряда, назначается не въ пользу договаривающейся стороны, а въ пользу того судебного учрежденія, которому подсудна была тяжба, мирно поконченная. „А кто наступитъ на сій рядъ—читаемъ въ означенныхъ грамотахъ—дать князю и посаднику двадцать гривень золота“. Или: „А кто сія порушитъ дать судьямъ тысяцю бѣлги“. Связь этого акта съ судомъ усматривается затѣмъ, и изъ той скрѣпы, какою утверждается рядная грамота. Она—по большей части пергаминная—имѣетъ свинцовую оффиціальную печать (а не печать частнаго лица) и подписъ дьяка или оффиціального писца. Связь акта съ предварявшею его тяжбою нерѣдко прямо обозначается въ самой грамотѣ. Такъ напр. въ грамотѣ подъ первымъ номеромъ означенной серіи читаемъ: „*Се били челомъ* староста Азика (и проч. довѣренныя отъ общества) *князю Офонасю* на Василья на Матвѣева, а наставилъ подвойскіе и не идуче къ суду урядились рядомъ“ ²⁾. Рядъ состоялъ въ томъ, что общество уступило спорную землю Василью Матвѣеву „въ вѣки“, взявъ съ него „двадцать тысячь бѣлги натыхъ земляхъ“. Или: „*Се сря-*

1) А Ю № 265.

2) Т. е. „Я, староста Азина и прочіе довѣренныя общества обратилъ съ челобитьемъ къ князю Аонасію на Василья Матвѣева, *выставили и приставовъ*, но не ия въ сѣтъ урядились рядомъ“.

дѣлился Игумень Ондреянъ... съ Прокопиемъ Юрьвымъ сыномъ о земли, что была между ими въ спорѣ" ¹⁾.

Актъ совершается въ присутствіи добрыхъ людей съ той и другой стороны, которые называются здѣсь „рядцами и послухами“ и обыкновенно (въ числѣ 5 или 6-ти) попеременно вываются въ рядной граматѣ.

Отъ третейскаго суда этотъ актъ отличается повидному только тѣмъ, что здѣсь главными дѣйствующими лицами являются не третьи, хотя и присутствующіе здѣсь, а сами договаривающіеся. Но—можно предполагать, — что и рядцы и послухи не зрители только, а лица болѣе или менѣе активно содѣйствующіе „уряженію ряда“, посему они и называются „рядцами“. Процессъ „уряженія“ представляется иногда результатомъ дов. должныхъ прозвѣвъ и переговоровъ („пословицы“), какъ это видно напр. изъ слѣдующей рядной граматы. „Се *дабили* челомъ Иванова жена и съ сынъ и деверь *Обекану*, Курову сыну, что взяти было Куру семдесятъ бѣлъ на Иванца“. (Т е. Иванова жена упросила Обекана мирнымъ образомъ разрѣшить долговое обязательство (70 бѣлъ) своего мужа Ивана Обекану). „И ставъ *предъ людьми*—продолжаетъ грамота—Иванцова жена и съ сынъ и съ деверь, по *пословицѣ* ²⁾ съ снохою и съ братаномъ съ Осташкомъ, даша за девять бѣлъ Обекану воду одерень въ Сярты³⁾, а межа выше камени по глубокому ручью, а пополонка даль Обеканъ овцу; а потомъ це надоби... Обекану ни его братицъ искати на Иванцевъ женѣ, ни на съ сыну, ни на съ девери на Осташцѣ“.

Къ разряду письменныхъ юридическихъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о совершеніи таковыхъ мировыхъ рядовъ именно при участіи духовныхъ лицъ относится знаменитая исковая „рядная Тѣшаты — документъ XIII вѣка. Вотъ полный текстъ ея:

„Се порядиса Тѣшата съ Якимомъ про складство свое, про первое и про заднее. И на дѣвицѣ Якимъ серебро взять. А мошета тѣшатина у Якимовы жены свободна тѣшатѣ взяти. И роцетъ учинила промежи себе; а болѣ не налобѣ

¹⁾ Ак. Ю. № 257, V.

²⁾ Пословица=уговоръ, договоръ.

³⁾ Великая Сярть упоминается въ кучей, № 71, V. А. Ю.

Якъму Тѣшата, ли Тѣшатѣ Якъмѣ. А на томъ послуш: Давыдъ попъ, Дорожка Домославъ, Вѣкошкинъ Боянъ, Кузьма Лойковичъ, Жидило Жихновичъ, Иванъ Смолняншиъ. А кто сій рядъ переступитъ, Якъмѣ ли, Тѣшата ли, тотъ дастъ сто гривенъ серебра. А псалъ Довмонтовъ писецъ“.

Документъ писанъ на пергаминахъ четкимъ уставомъ съ подвѣшенною свинцовою печатью, на одной сторонѣ которой образъ Св. *Тимофея* (православное имя князя Довмонта), на другой—крестъ ¹⁾.

Въ свое время (т. е. непосредственно по открытіи въ 1850 г.) этотъ документъ подвергся тщательному изученію и толкованіямъ, дов. различнымъ. Изъ послѣднихъ заслуживаютъ вниманія два: И. П. Срезневскаго и К. А. Неволіна. По мнѣнію перваго, это—рядная сговорная запись, ²⁾ по мнѣнію втораго—мировой рядъ. Не смотря на обширную филологическую аргументацію Срезневскаго, его мнѣніе не можетъ быть признано правильнымъ и падаеть уже предъ слѣдующею аргументаціею Неволіна:

„1. Существенную принадлежность рядныхъ этого рода (т. е. сговорныхъ), говоритъ онъ, составляли означеніе имени жениха и невѣсты, и означеніе срока, къ которому должна быть совершена свадьба. Ничего подобнаго не означено въ разсматриваемой граматѣ ³⁾.

¹⁾ Изданъ въ Полн. Собр. сочиненій К. Неволіна, т. VI стр. 553 и слѣд.

²⁾ По толкованію Срезневскаго смыслъ документа таковъ: „Какой-то Якъмъ выдавалъ свою невѣсту, вѣроятно дочь (дѣвку) за какого то Тѣшату Порѣшая сговоръ (сладъство), вслѣдствіе окончанія расчета, отецъ невѣсты и женихъ въ засвидѣтельствованіе того, что они другъ другу уже ничего не должны, сдѣлали запись; обозначили въ ней что вѣно за невѣсту (серебро на дѣвцѣ) уже получено; а мописто, *уступленное жениху* (! въ документѣ: „мописта Тѣшатина“) и еще остающееся у его будущей тещи женихъ можетъ взять, когда захочетъ; обозначили тоже, что въ случаѣ нарушенія ряда, нарушитель обязанъ заплатить 100 гривенъ серебра и утвердили запись свидѣтельствомъ отца духовнаго и пяти другихъ свидѣтелей и написаніемъ ея рукою *секретари* князя Довмонта“.

³⁾ Вотъ текстъ одной сговорной рядной, представляемой самимъ Срезневскимъ: „Се язъ, Тишина Костянтивовъ сынъ Сузьменева; жениться мнѣ у Замятни да у Василья у Михайловыхъ дѣтей Ржевскаго, а поняти мнѣ ихъ сестра Олена Михайлова жъ, дочь Ржевскаго за недѣлю до заговѣнья Филипова лѣта 7050; а не женюсь язъ Тишина на тотъ срокъ у Замятни да у Василья, ино на мнѣ на Тишинѣ взять Замятнѣ да Ва-

2. „На существо „мировой сдѣлки“, заключенной между Якимомъ и Тѣшатою, мнѣ кажется находится ясное указаніе въ самой граматѣ, въ словахъ: „роцетъ учинила промежи себе“ Предметъ мировой сдѣлки между Якимомъ и Тѣшатою есть расчетъ между ними. Всякій расчетъ предполагаетъ или требованія и долги съ обѣихъ сторонъ, или требованія съ одной и долги съ другой; онъ оканчивается, если сторона, остающаяся чѣмъ нибудь должною другой по взаимнымъ счетамъ уплачиваетъ ей своей долгъ. Дѣйствительно, таково существо разсматриваемой сдѣлки“.

3. „Она принадлежитъ къ числу мировыхъ *записей* (!) ¹⁾, которыми *стороны споряція* соглашаются на определенныхъ условіяхъ прекратить споръ между собою, возникшій изъ какой бы то нибыло юридической причины; напр. даже изъ сговорной (брачной) записи. Такое значеніе разсматриваемой *граматы* (!) очевидно изъ сравненія ея съ другими подобными, именно Новгородскими“ ²⁾.

На этомъ основаніи Неволнинъ даетъ цѣлому документу такой смыслъ:

„Тѣшата съ Якимомъ заключили мировую сдѣлку по первому и по обратному *счету*. Якимъ получилъ серебро съ *дѣвки*, Тѣшата можетъ послѣ сего свободно взять свою монету у Якимовой жены. Тѣмъ конченъ расчетъ между Якимомъ и Тѣшатою; болѣе ни Якимъ не долженъ ничего требовать отъ Тѣшаты, ни Тѣшата отъ Якіма. Свидѣтелями этого были: попъ Давидъ (и проч.). Писать Довмонтовъ писецъ (конечно въ смыслѣ княжескаго дьяка)“ ³⁾

Въ общемъ юридическій анализъ и опредѣленіе юридической природы документа вѣрны; но нельзя не замѣтить нѣкотораго не соответствія между официальнымъ характе-

систою по сей *записи* сто рублевъ денегъ А на то послен (четыре) А *запись* писать Васюкъ Федоровъ сынъ Забѣкаго (братъ одного изъ послуховъ) лѣта 7056. (По изв. Сборъ Сочинъ Неволнина, Т. VI, стр. 567). (р. невескому пришлось употребить не маю усялий и патяжекъ, чтобы вывѣсиль юридическое родство этой *записи* съ „рядомъ“, представляемому разсматриваемымъ Псковскимъ документомъ)

¹⁾ Въ документъ точно обозначено, что это не „*запись*“, а „*рядъ*“ — „*порядися*“, кто переступитъ „*сѣи рядъ*“

²⁾ Неволнинъ, г. VI, стр. 574—573. Датье илдегъ подробное сравненіе съ гѣми рядыми, о конхъ мы говорили выше.

³⁾ Неволнина, Т. VI, стр. 582

ромъ документа, торжественностью такъ сказать обстановки, при которой онъ совершенъ и незначительностью предмета этой „мировой сдѣлки“—денежнаго расчета.

Княжеская печать, княжескій дьякъ, шесть послуховъ съ попомъ во главѣ и пеня въ 100 гривенъ—всего этого слишкомъ много для совершенія денежнаго расчета между двумя лицами, равно какъ слишкомъ много и для сговорной рядной. Самъ же Неволинъ по поводу печати документа разсуждаетъ, опираясь на нѣкоторыя статьи Псков. Судной грамоты такъ: „По отношенію къ *граматѣ* Псковской—такъ онъ называетъ въ данномъ мѣстѣ разсматриваемый документъ—я полагаю, что привѣска къ ней печати (а слѣдов. и подписи грамоты княжескимъ писцомъ) имѣла оффиціальное значеніе, такъ какъ къ *граматѣ* при вѣшена была именно *княжеская* печать. Ср. Псков. Судн. Грамоты ст. 9: а княжої писецъ взъметъ по силѣ *исцovo* отъ позовищи, или отъ *безсудной* грамоты или отъ *приставной*. А захочетъ не по силѣ, ино волно индѣ написати, а князю запечатати. А не запечатаетъ князь, ино у *Святѣй Троицы* запечатати: въ томъ измѣны нѣтъ ¹⁾. А также ст. 13: а княжої писецъ иметъ писати *суднишу* о земли, ино ему отъ судницы взяти 5 денегъ, а отъ *позовицы* денга, а отъ печати денга, а отъ *безсудной* и отъ *приставной* все то имѣ имати по денги. А толко княжої писецъ захочетъ не по силѣ, ино индѣ волно написати, а князю запечатати. А не запечатаетъ князь, ино у *Святѣй Троицы* запечатати, а въ томъ измѣны нѣтъ ²⁾ Итакъ—заключаетъ на основаніи этой справки Неволинъ—для меня, по крайней мѣрѣ, не сомнительно, что псковская грамота принадлежитъ къ разряду *мировыхъ* грамотъ, къ тому разряду, который отпечатанъ въ Ак. Ю. подъ № 257“ ³⁾.

Заключеніе совершенно вѣрное. Но что такое эти *мировыя грамоты*, называемыя въ дѣйствительности „рядными“, или „рядами“? Они—какъ было выяснено—суть акты, которыми прекращались *тяжбы*, судныя дѣла. Княжеская печать привѣшавшаяся къ нимъ, какъ это видно изъ представленной

¹⁾ По изданію Владимірскаго-Буданова ст. 50. Св. Троица—соборный храмъ Пскова, гдѣ имѣлся „гарь“, или архивъ для храненія документовъ и печать.

²⁾ По изд. Влад. Буданова ст. 82.

³⁾ Т. VI, стр. 377.

Невольнымъ справки, точно также свидѣтельствуешь, что дѣло идетъ о судебномъ актѣ, въ родѣ „позовницы“ (на судъ), „безсудной“, „приставной“. О томъ же говоритъ и крупная *пеня*, которою гарантируется „рядъ“ и которая назначается въ пользу *судей*: Князя, Владыки, или же посадника, тысяцкаго и проч.

За такой же характеръ псковской рядной, какъ и ряда вообще говоритъ и множество послуховъ во главѣ съ попомъ. Если бы дѣло шло только о денежныхъ счетахъ и расчетахъ, то къ чему шесть послуховъ и между ними попп? Это требуется только въ судныхъ дѣлахъ ¹⁾. Да и изъ самаго строенія рѣчи документа видно, что расчетъ есть только *дополнительный* предметъ къ главному предмету ряда—уряженію о *складьствѣ* „се порядися про складьство свое... и расчетъ учинила промежи себе“.

Въ виду сего толкованіе разсматриваемаго документа, предложенное Неволнымъ мы измѣнимъ въ деталяхъ такимъ образомъ.

Между *Тѣшатою*, вѣроятно молодымъ человѣкомъ, на что указываетъ его уменьшительное имя (отъ Тихонъ) и Якимомъ была давнишняя тяжба по семейному дѣлу — изъ „за дѣвки“, можетъ быть родственницы, напр. падчерицы Якима или жены его, значительно обострившаяся. „Складьство первое и заднее“ можетъ обозначать по толкованію Срезневскаго и Неволна и „сватовство“ и „тяжбу“ и „договоръ“. Можетъ быть Тѣшата по сватался къ дѣвкѣ Якима и подарилъ женѣ его монисто, а потомъ разошлось дѣло: Якимъ сталъ требовать съ Тѣшаты *серебро* (или деньги) „за соромъ“ ²⁾, а Тѣшата—свое монисто. При участіи послуховъ неудовольствіе уладилось. Якимъ получилъ удовлетвореніе за дѣвку деньгами, вслѣдствіе чего и Тѣшата получилъ право требовать отъ Якимовой жены свое монисто (но онъ можетъ и подарить ей: *свободна Тѣшатѣ взяти*) на этомъ покончили и

¹⁾ По закону Судному 18, 7 или 6; и отнюдь не менѣ трехъ См. Русск. Достопамятности, II, стр. 152, 196, 197. Кормч. кв. гл. 46.

²⁾ Можетъ быть здѣсь прольеть нѣкоторый свѣтъ слѣдующая напр. статья Ярославова Устава:

„Аже кто умчитъ дѣвку, или насилить, аже боярекая дщи, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а епископу 5 грив. золота... а князь казнитъ“. (Влад. Будаповъ, Христоматія, стр. 201 ч. I)

расчетъ. Такъ что съ этого момента ни Якимъ ничѣмъ не по виненъ („не надобѣ“) Тѣшатъ, ни Тѣшата Якиму. А кто нарушитъ этотъ рядъ, тотъ платитъ (князю, а можетъ быть и владыкѣ) 100 гривенъ серебра, А на то рядцы и послухи. Давидъ попь и проч.

Для насъ этотъ „рядъ“ XIII вѣка имѣетъ важное значеніе—какъ вѣроятно догадывается и читатель—потому въ особенностях, что онъ заключенъ при участіи „попа“ въ качествахъ радца и послуха.

Да, это единственный документъ, гдѣ „попь“ выступаетъ въ званіи, очень близкомъ къ званію третейскаго судьи. Что же это значить? Неужели по воззрѣнію древней Руси только митрополитъ, архимандритъ и игуменъ почитались лицами компетентными для прихода званія третейскаго судьи, а „попь“, стоявшій во всякомъ случаѣ не дальше ихъ отъ семейной и общественной жизни, хотя бы и въ сферахъ нѣсколько низшихъ, почитался для этого не компетентнымъ, не довлѣющимъ?

Не думаемъ; соціальное, или общественное, сословное положеніе „попа“ въ древнѣйшій, Кіевскій періодъ Руси было достаточно высоко для званія третейскаго судьи ¹⁾ Въ са-

¹⁾ „Попъ“=*πίπλος*, отецъ духовный, батюшка—есть весьма почетный титулъ древнерусскаго (Кіевской Руси) священника. Когда и кто первый произнесъ этотъ терминъ для обозначенія народившагося въ средѣ древнерусскаго общества сословія „свободныхъ мужей“, за скудостью историческихъ данныхъ сказать не можемъ. Но полагаемъ, что одно только обычное словоупотребленіе этого термина не могло бы упрочить за нимъ навсегда неизмѣнное употребленіе его въ официальныхъ юридическихъ и даже законодательныхъ документахъ, если бы таковое употребленіе небыло освящено и какимъ либо непререкаемымъ для древнерусскаго общества авторитетомъ. Но что же иное могло служить таковымъ, какъ не греческій номоканонъ? И дѣйствительно въ древнѣйшемъ изъ доселѣ извѣстныхъ славянскихъ переводовъ греческаго номоканона мы и встрѣчаемся съ употребленіемъ этого термина „попь“, какъ всюду замѣняющаго подлинный греческій терминъ: *πρεσβύτερος*. Напр. „Аще который *попъ* ли діаконъ, ли всякъ причта святаго (Апост. 15) „Аще который *попъ*, ли діаконъ не роль (не радить) о епископѣ своемъ (Апост. 5) „Яко не достоинъ діаконъ (діакону) предъ *попомъ* съдати, по повелѣніемъ *поповомъ* съдати“ (Тонд. 30 См. Срезневскій: обзоръ древнихъ русскихъ списковъ кормчей книги. СПб. 1897, стр. 28. приложения).

Номоканонъ греческій въ старину пользовался авторитетомъ святой „Богодуховенной книги“ Въ немъ содержалась вся правда (или право)

момъ дѣлѣ; въ какихъ кругахъ древнерусскаго общества мы встрѣчаемъ „попа“? — Въ различныхъ и прежде всего въ кругу „княжнхъ мужей“, дружинниковъ и ближайшихъ соратниковъ князя, равно какъ и его довѣренныхъ лицъ, чрезъ которыхъ онъ ведетъ свои переговоры и договоры съ другими князьями или землями. Такъ Смоленскій князь Мстиславъ Давидовичъ въ 1229 году заключилъ договоръ съ Ригю, Готландомъ и нѣмецкими городами при посредствѣ двухъ мужей своихъ: „попа Іереміи и умна мужа Пантелея.“ „И уздумалъ—читаемъ въ началѣ этого договора— князь Смоленскій Мстиславъ Давидовъ сынь, прислалъ въ Ригу своего лучшаго попа Ерьмея и съ нимъ умна мужа Пантелея изъ своего города Смольнеска: та два была посломъ у Ризѣ, изъ Ригы ѣха а Гочкый берегъ, тамо твердити миръ“¹⁾. Что попъ Ерьмей не составлялъ въ данномъ случаѣ какого либо исключенія это видно какъ изъ договорной грамоты, въ составленіи которой онъ принималъ участіе, такъ и изъ ранѣйшей Новгородской грамоты подобнаго же рода: въ обѣихъ понятія „попъ“ и „посолъ“ какъ привилегированныя въ гражданскомъ отношеніи лица отождествляются. За убійство попа или посла взимается штрафъ вдвое большій, чѣмъ за убійство „купчины“²⁾.

„Поповъ“ мы встрѣчаемъ неизмѣнно „послухами“ при великокняжескихъ духовныхъ завѣщаніяхъ; встрѣчаемъ ихъ и въ числѣ ширующихъ съ княземъ на его „сѣншцѣ“. О

церковная. Не только митрополитъ, но и князь въ какихъ угодно вопросахъ права обращались прежде всего къ помогану, какъ непрекаемому источнику и свѣдѣчу права и тамъ пытались найти рѣшеніе занимавшихъ ихъ вопросовъ права. И вотъ въ этой-то Богодуховенной книгѣ митрополитъ и князь—первоначальные организаторы общественно-церковнаго быта и вычитывали, что постъ епископа или „владыки“ въ сословіи служителей Божія закона не посредственно стоитъ „попъ“, а за тѣмъ и прочій причтъ церковной или „святыи“

¹⁾ Владимірскаго-Буданова, Христоматія, I, стр 94—95

²⁾ Договоръ Смол. кня Мстислава Давидовича ст 6: „Посла и пона чю оучинять, за двое того оузяти, два платка,

Мирная грамота Новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г ст 15: „Оже оубюють таль (заложника) или пона новгородское или нѣмецкое Новьгородъ, го 20 гривень сер за голову“

Ст 3: „А оже оубюють купчину Новгородца, или пѣмчина купчину Новьгородъ, го за ту купчу 10 грив сер“ (Влад.—Будановъ) I, 90—96

высшомъ сравнительно положеніи поповъ въ древнерусскомъ быту Е. Е. Голубинскій говоритъ слѣдующее: „Священниковъ ввелъ въ высшее придворное общество креститель Руси Св. Владиміръ, который по свидѣтельству монаха Іакова, когда устраивалъ у себя обѣды и пиры, поставлялъ три трапезы и изъ нихъ первую митрополиту съ епископами, монахамъ и со священниками Воспоминая добродѣтели послѣдующихъ князей, лѣтописцы почти постоянно называютъ ту ихъ добродѣтель, что они „изъшла чтяху чернеческій чинъ и поповскій“. Свое почтеніе къ чернеческому чину князья выражали тѣмъ, что по часту приходили въ монастыри и, принимая съ одной стороны духовныя наставленія, съ другой стороны предлагали монахамъ обильныя учрежденія..... Необходимо думать, что подобнымъ образомъ свое почтеніе къ іерейскому или поповскому чину они выражали тѣмъ, что призывали священниковъ къ своимъ княжескимъ трапезамъ. О такомъ предметѣ, какъ трапезованія или пированія священниковъ у князей мы, конечно, не находимъ нарочитыхъ рѣчей у лѣтописцевъ. Но мы находимъ у нихъ извѣстія объ этомъ въ рѣчахъ не нарочитыхъ, случайныхъ, извѣстія при томъ такія, которыя даютъ знать, что общество священниковъ составляло обычную компанію князей. Авторъ Платской лѣтописи, разсказывая подъ 1150 г. о внезапномъ нападѣнн на Бѣлгородъ враговъ, чуть—было его не взявшихъ, говоритъ, что въ то время князь Бѣлгородскій пировалъ у себя во дворцѣ съ боярами и бѣлгородскими священниками“¹⁾.

Въ составѣ городского и сельскаго общества поны занимали положеніе безъ сомнѣнія нѣсколько высшее, чѣмъ напр. купцы и прочіе „жытыя люди“ и—что для насъ особенно важно—пользуясь правомъ исключительной подсудности (своему епископу) они не исключались отъ участія въ дѣлахъ общественнаго управленія, но выступали въ

¹⁾ Плат. Лѣт. „въ то же время Борисъ (сынъ Бѣлгородскій) пьетель (но просто пьетельстветь) на сънѣвници съ дружиною своею и съ поны Бѣлгородскими“ (2 изд стр 288) Галичскій князь Владиміръ Ярославичъ огнялъ у пона жену и сълалъ ее своей женою (на же лѣтописи подъ 1188 г стр 444): повадья успѣла повравиться князю, конечно, на одномъ изъ его пировъ“ Примѣч Голубинскаго (см Его Исторію Русской Церкви, Т. I, 1 половина стр 462

пемь съ голосомъ не только равнымъ, но пожалуй еще и бѣльшимъ, чѣмъ обыкновенные „свободные мужи“. Псковская судная грамота — памятникъ вѣчеваго законодательства — была редактирована въ обширномъ своемъ видѣ (со всѣми приписками въ 1467 г.) „по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ 5-ти соборовъ“. По этой же грамотѣ, приставъ или истецъ долженъ читать „позовницу“ (вызовъ въ судъ) не иначе какъ „на погостѣ *предъ попомъ*“¹⁾. Но въ особенноти важное свидѣтельство о выдающемся значеніи поповъ именно въ „*судныхъ дѣлахъ*“ даетъ намъ древнее законодательство о послушствѣ поповъ. „Попъ иже бываетъ“... въ послушствѣ за 12 мужи“ такъ гласитъ статья Суднаго закона²⁾. Но послухъ, по древнерусскому праву, не свидѣтель только факта, но и *права*: онъ почти то же что *судья*. Самъ князь судить на иначе, какъ „послухи свободными“, на которыхъ, шлются“ обѣ стороны: они вѣдаютъ правду. Прекрасно выясняетъ смыслъ вышеозначеннаго закона о послушствѣ пока проф. Н. Дювернуа и мы позволимъ себѣ представить здѣсь сполна его комментарій:

„Вспомнимъ—говоритъ онъ—12 мужей „Русской правды“, которые должны узнать правду и которые послѣ замѣняются послухами³⁾. Выписанная статья Закона Суднаго по видимому хотеть выразить непререкаемый авторитетъ послушества духовнаго лица и беретъ для этого живой образъ послушества общины, или ея представителей (12 мужей). Конценція статьи суднаго закона такая абсолютная, что можетъ ввести въ заблужденіе, что свидѣтельство духовнаго лица во *всѣхъ дѣлахъ* имѣло силу, равную свидѣтельству цѣлой общины или ея представителей. Ничего подобнаго мы не подумаемъ, если Русская правда, а не Судный Законъ, будетъ служить намъ источникомъ изученія древняго быта, если не отъ Суднаго Закона къ Русской Правдѣ, а отъ Русской Правды къ Судному Закону мы будемъ дѣлать наши заклю-

¹⁾ Ст. 25.

²⁾ Русскія Достопамятностіи. ч. II, стр. 182 Ср. Полн. Р. С. Т. VI (Новгород. лѣт.) стр. 432

³⁾ Имѣется въ виду 14 ст Рус Правды (Акад. списка), которая гласитъ такъ: „Аже гдѣ възыщеть на друзъ проче, а онъ ся заширати почнеъ, то ити ему на изводъ преть 12 челоуька“. (Каначовъ: Русская правда М 1847, стр. 2

чешія. Тогда мы поймемъ, что ни въ *займъ* ни въ *закупничестве* свидѣтельство духовнаго лица вовсе не пользовалось никакими преимуществами, что древнее право вовсе не знало теоріи предпочтенія и взвѣшиванія достоинства свидѣтельскихъ показаній, какая выработалась въ средневѣковомъ каноническомъ процессѣ ¹⁾. Весь смыслъ послушества духовнаго лица намъ будетъ ясенъ, если мы вспомнимъ, что съ введеніемъ христіанства обозначился кругъ дѣлъ, которыхъ не вѣдали ни наши князья, ни наши свободные мужи. Узнать правду въ дѣлахъ семейныхъ и тѣсно примыкающихъ къ нимъ дѣлахъ наслѣдственныхъ могло только посвященное въ тайны закона Божьяго и византійской канонической догмы лицо духовное, связанное съ міромъ церкви. Понятно, что такое лицо могло быть судьей семейнаго дѣла, также какъ 12 свободныхъ мужей могли быть судьями двухъ сторонъ, когда они спорили о свободномъ обязательствѣ, возникшемъ изъ договора, или о правонарушеніи, или о принадлежности имущества. Такое духовное лицо могло быть и судьей — ибо оно знало правду — и свидѣтелемъ. На него можно было послаться, ибо за нимъ былъ также не пререкаемый авторитетъ церкви, какъ въ другихъ дѣлахъ непререкаемъ авторитетъ общины или князя. Какія же дѣла указываетъ намъ древность, въ которыхъ послухомъ *долженъ* быть попъ? Ихъ можно видѣть отчасти въ статьѣ Закона Суднаго о умيرانьи ²⁾, но такъ какъ нашу цѣль составляетъ главнѣйшимъ образомъ Русская Правда, то мы по ней отличимъ этотъ родъ дѣлъ. Ст. 92 (троипк. сп.) говоритъ о робихъ дѣтяхъ и о дѣтяхъ отъ свободной матери; ст. 87-я объ устройствѣ души умершаго, если онъ не урядилъ своего имѣнія; другія статьи Рус. Правды касаются рядовъ, которые оставляетъ по себѣ умирающій; наконецъ есть еще положенія *объ опеку*, которыя проникнуты болѣе правственнымъ, чѣмъ юридическимъ характеромъ. Кто жь лучше знаетъ, какія дѣла законныя, какъ слѣдуетъ устроить душу и прочее, какъ не духовная власть? И такъ, въ этихъ дѣлахъ нуженъ

¹⁾ Имѣется въ виду *Римско-католическій* каноническій процессъ.

²⁾ Аще кто будетъ умирая и повесть гь кому устроить имѣнію, или съ дѣтьми оною или съ женою, тому поручити устроить имѣніе предъ людьми“ (Русскія Достопамятности, II, 193—194)

авторитетъ церкви, нуженъ или одинъ послухъ—попъ, который тоже, что въ другихъ дѣлахъ 12 свободныхъ мужей, или попъ и съ нимъ свободные мужи ¹⁾). Если бы отъ насъ потребовали указать границу церковной юрисдикціи и свѣтской, то мы опять скажемъ, что ея нельзя найти въ законѣ. Судный Законъ говоритъ объ умраицѣ, стало быть беретъ вопросъ не съ юридической точки зрѣнія; Русская правда говоритъ о аадницѣ, стало быть беретъ вопросъ—съ имущественной и больше къ области права обращенной стороны. Но вѣдь на дѣлѣ то и другое тѣсно слито. Князь судитъ закупа съ господиномъ, должника съ кредиторомъ, но какъ онъ ихъ судитъ? Онъ судитъ ихъ, говоря словами Русской Правды, „послухи свободными“, т. е. рѣшаетъ дѣло посредствомъ „свободныхъ людей“, на которыхъ послалась стороны. Послухи даютъ юридическую силу акту, они свидѣтели, они вѣдаютъ право, и князь рѣшаетъ согласно праву. Кто жъ такой свидѣтель, на кого можетъ послаться человекъ умрающий, который хочетъ устроить душу, кто вѣдущій въ этихъ дѣлахъ? Если *дѣтской* ²⁾ по Русской правдѣ идетъ дѣлать ³⁾, (наслѣдство), то какъ же онъ станетъ дѣлать? Гдѣ онъ узнаетъ мѣру? Мы думаемъ, здѣсь то же цужны послухи („седьмы отъ того града, идѣже живутъ, или отъ веси“ Зак. судн. стр. 196 и между ними долженъ быть попъ“ ⁴⁾).

Выясненная здѣсь привилегія попа относительно послушества по сравненію съ прочими „свободными мужами“ и

¹⁾ Вотъ обычныя пописи древнихъ духовныхъ завѣщаній: „А на то Богъ послухъ и отецъ мой духовный попъ Амосъ Святаго Михаила (А Ю № 409). „А тутъ сидѣть в *рукописанья* Юрье Двипловичъ, да дялковъ Михайловекоей Демида да Самыла послухъ, да Святый Михаилъ, да отецъ мой душевный игумень Аѳанасій“ (А Ю. № 409. XI) „А на то послухи: Левонъ ключникъ, да Левонтей Федоровъ, да Ефимъ Ивановъ, да Ларивонъ Киевъ. А запечата ш есемя сю духовную всею одною печатью, отпа своего духовнаго поповою Ивановою Тѣши ювскаго А сю духовную писать Ованка Юрьевъ сынъ Семенова. А запечата ш есемя хрестемъ гвльничкомъ поповымъ Ивановымъ“ (А Ю № 413) Здѣсь же и другі. духовныя)

²⁾ Княжескій чиновникъ

³⁾ (ст 100 (Тройнкъ сл): Аже братья роставуся о задницю передъ княземъ, который *дѣтскій* идетъ ихъ дѣлать, то тому взяти гривна клявъ“

⁴⁾ Дювервва: Источники права и судъ, стр. 105—107

„добрыми людьми“ древне-русскаго граждаискаго общества, опредѣляетъ съ достаточною ясностью и его такъ сказать *правоспособность* съ точки зрѣнія древнерусскаго права на званіе *третейскаго суды по всякимъ дѣламъ*, исключая рзвъ дѣлъ наслѣдственныхъ по завѣщанію, въ каковыхъ онъ долженъ быть судьей и послухомъ *по закону*. Такое заключеніе вытекаетъ изъ того положенія, что правоспособный къ *послушеству* ео *ipso* право способенъ быть и третейскимъ судьей. „Никакихъ опредѣленныхъ запрещеній принимать на себя посредничество—гов. г. Дювернуа—мы не находимъ. Единственное постоянное качество *третьихъ* видно въ названіи ихъ „добрыми людьми“. Такъ, въ договорѣ князей Кемскихъ упоминается приказъ завѣщателя, чтобы цѣна вотчины была опредѣлена передъ добрыми людьми. Смотря по роду дѣлъ, къ этому общему качеству присоединяются другія. Такъ, при спорахъ о межѣ третьими должны были чаще всего быть люди, знавшіе хорошо мѣстность. Это—старожилыцы, тутошніе люди, на совѣтъ и знаніе которыхъ полагаются спорящіе. Въ спорахъ между родственниками видимъ иногда духовныя власти въ роли посредниковъ“¹⁾.

Здѣсь мы и остановимся въ своемъ обзорѣ формъ третейскаго суда древней Руси въ которыхъ онъ примѣнялся духовными лицами: митрополитами, игуменами и священниками. Если скудость историческихъ данныхъ, особенно за Кіевскій періодъ Руси, когда для дѣйствованія духовныхъ лицъ въ этомъ отношеніи представлялось болѣе благоприятныхъ условій, чѣмъ въ послѣдующее время, препятствовала намъ представить эту дѣятельность въ болѣе яркихъ и живыхъ картинахъ: то данныя *права* и нѣкоторые историческіе документы, нами разсмотрѣнные, надѣмся, твердо установили въ сознаніи читателя самый фактъ этой дѣятельности. И на сколько въ нашихъ интересахъ было лишь сдѣлать указаніе на этотъ фактъ, представить такъ сказать историко-юридическую справку, на данному предмету, мы полагаемъ, что задача наша исполнена.

Но..... какой смыслъ, какое практическое значеніе для настоящаго можетъ имѣть одно простое указаніе на фактъ, одна историческая справка, его устанавливающая? Не вызы-

¹⁾ Дювернуа, стр 340—341

вааетъ ли это простое указаніе на самый фактъ естественнаго вопроса: какъ отразился онъ въ жизни? доброе или дурное вліяніе онъ произвелъ на нее?

Этотъ, такъ естественный вопросъ побуждаетъ насъ высказать слѣдующія замѣчанія.

Историки древнерусскаго гражданскаго (обычнаго) права уже давно констатировали фактъ сильнаго и глубокаго проникновенія его христіанскими нравственными началами. Это проникновеніе христіанства въ грубые семейные нравы нашихъ предковъ, въ язычествѣ жившихъ по выраженію лѣтописца „звѣрски“, совершалось съ такимъ успѣхомъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наше обычное семейственное право превзошло даже семейственное право греческаго номоканона (какъ представлявшаго смѣсь началъ римскаго семейственнаго права съ нравственно христіанскими началами). Выясняя этотъ фактъ, проф. Дювернуа говоритъ: „Мы сказали, что въ юномъ обществѣ (т. е. въ древне русскомъ) начала религіозныя могли дать такіе плоды которыхъ нельзя было ожидать отъ смѣшенія двухъ разныхъ сферъ нравственнаго міра въ *старой* имперіи (т. е. въ Византіи). Въ самомъ дѣлѣ, въ XV вѣкѣ въ законахъ о наслѣдствѣ мы встрѣчаемся съ такими явленіями, которыя не могли быть прямо внушены номоканонѣ, но которые были результатомъ укоренившихся въ общественномъ сознаніи началъ христіанской семейной нравственности. По кормчей жена имѣетъ право *на долю послѣ мужа*; второй бракъ измѣняетъ отношенія обоихъ родителей къ оставшемуся имуществу; но за отсутствіемъ дѣтей наслѣдуютъ все таки *впереди родственники*, а не супруги. Въ Псковѣ супруги, *оба одинаково*, и мужъ и жена, въ случаѣ бездѣтной смерти, имѣютъ право пользованія всѣмъ имуществомъ умершаго предпочтительно *передъ всей родней*,—право пользованія, которое продолжается до смерти или до вступленія во второй бракъ. Это — величайшій результатъ, къ какому только могло привести въ сферѣ гражданскаго права христіанское воззрѣніе на святость брачнаго союза. Для того, чтобы нити этого священнаго единенія порвались окончательно, для этого какъ будто недостаточно одной смерти. Послѣ смерти одного супруга признаки прежняго единенія въ сферѣ юридической остаются какъ были. Супруги продолжаютъ другъ послѣ друга

пользоваться всё́мъ имуществомъ умершаго. Требуется или смерть, или нуженъ новый шагъ, нужно ветуиленіе во второе супружество, чтобы разрывъ прежняго союза стать окончательнымъ и въ религіозномъ и въ юридическомъ смыслѣ. Это—настоящее, идеальное *consortium omnis vitae*, какъ называетъ тайну брака знаменитый классикъ ¹⁾, стоящій на границѣ античнаго и христіанскаго міра“ ²⁾.

Конечно не можетъ подлежать сомнѣнію, что это глубокое проникновеніе христіанскихъ началъ въ наше древнерусское *юридическое* сознаніе шло черезъ *духовныхъ лицъ*. Какимъ же путемъ? Не ужели только черезъ проповѣдь, черезъ духовническія наставленія, черезъ усердное чтеніе нашими предками Новозавѣтнаго Слова Божія? Едва ли такъ. Одной проповѣди едва ли достаточно для радикальнаго пзмѣненія правовъ, да и не будетъ ли слишкомъ смѣлымъ утверждать, что древнерусскіе духовники, монашествующіе и сами архипастыри отличались такою учительностью, какая требуется необходимо для такого сильнаго воздѣйствія на нравы.

Но разъ предъ нами предлежитъ фактъ, что духовныя лица въ древней руси были не только *учителями и проповѣдниками Закона Божія*, но прямо и непосредственно блюстителями его въ жизни, руководителями въ *приложеніи*, въ качествѣ дѣйствительныхъ судей, послуховъ при составленіи духовныхъ завѣщаній, при раздѣлѣ имущества послѣ умершаго, въ спорныхъ дѣлахъ о бракѣ, о законныхъ и не законныхъ дѣтяхъ, вообще—въ качествѣ официальныхъ умиротворителей тяжущихся,—тогда намъ не представится необходимости слишкомъ идеализировать интеллектуально нравственныя достоинства духовенства древней руси, чтобы объяснить его глубокое вліяніе на жизнь и право: одинъ этотъ фактъ объясняетъ его вполне удовлетворительно.

Итакъ, дѣйствование духовныхъ лицъ въ древней Руси въ

¹⁾ Эренній Модестіанъ, котораго опредѣленіе понятія брака имѣется въ слѣдующемъ переводѣ Кормчей книги: „бракъ есть мужеви и женѣ сочтаніе и сбытіе во всей жизни, божественныя же и человѣческія правды общеніе“ (Кормч. гл 48, гр 4). Латинскій оригиналъ гласитъ такъ: „Nuptiae sunt conjunctio maris et feminae, consortium omnis vitae divini et humani juris communicatio“ (Dig XXIII, tit II, 1)

²⁾ Дювернуа, цит. кн стр 329.

званіи третейскихъ и мировыхъ судей и посредниковъ оказывало на гражданскую жизнь весьма доброе вліяніе.

Это было въ древнѣйшій періодъ Русской Исторіи—Кіевскій и въ началѣ Московскаго, въ ту эпоху когда дѣйствовало во всей силѣ обычное право, подвергаясь вліянію церкви, въ эпоху удѣльной системы и вѣчеваго устройства вольныхъ городовъ Новгорода и Пскова.

Съ утвержденіемъ Московскаго государства для третейскаго суда вообще и въ частности для практики его духовными лицами наступаютъ условія весьма не благопріятныя: онъ все болѣе и болѣе уступаетъ свое мѣсто двумъ ординарнымъ судамъ: Государственному и церковному.

Оба судебника (Ивана III и Ивана IV) исключительно занимаются организаціею и дѣлопроизводствомъ Государственнаго суда, который чинятъ „бояре, окольничьи и дьяки и всякіе приказные люди, а по городамъ и волостямъ намѣстники и ихъ тѣны“. О третейскомъ судѣ нѣтъ даже упоминанія; только 31-ю статьею Судебника Грознаго—какъ быто замѣчено выше—предоставляется судящимся окончить начатую предъ судьей тяжбу—миромъ.

Судъ государственныхъ судей есть, по смыслу этихъ судебниковъ, служба оплачиваемая вознагражденіемъ съ судящихся: „а пошлины имати отъ правые грамоты: боярину отъ печати съ рубля по 9-ти денегъ, а діаку имати отъ подписи съ рубля по алтыну, а подъячему—по три денги“¹⁾

„А докладной списокъ боярину или дворецкому или казначею печатати, а діаку подписывати. А имати отъ печати боярину... съ рубля по алтыну, а діаку съ рубля по 4 денги, а подъячему съ рубля по 2 денги“²⁾

Само собою разумѣется, что не въ интересахъ этихъ судей было покровительствовать процвѣтанію третейскаго суда. Имъ естественно было жаловаться, что „люди не даются имъ подъ судъ“³⁾.

Тѣмъ не менѣе третейскій судъ, какъ исконое установленіе самой жизни продолжаетъ примѣняться и въ XVI и даже XVII вѣкахъ. Мы указывали выше примѣры примѣ-

¹⁾ Судебникъ Царя Іоанна IV, ст. 33

²⁾ Тамъ же, ст. 34

³⁾ *Дмитріевъ*. Исторія Судебныхъ Инстанцій, стр. 15

ненія его въ это именно время *архимандритами и игуменами*. По это понятно: въ качествѣ вотчинниковъ эти лица—были власти; они имѣли право своихъ тяглыхъ людей судить (хотя и въ ограниченной сферѣ дѣлъ) не только на правахъ третейскихъ, но и *законныхъ* судей.

Иное дѣло—лица бѣлаго духовенства и иная монашеская братія, особенно монастырей, подлежащихъ юрисдикціи епископа.

Изъ свободныхъ лицъ—бѣлое духовенство въ силу вотчинныхъ отношеній превратилось въ сословіе податныхъ лицъ „тяглыхъ лицъ“ по отношенію къ епископу и монастырю, на земляхъ которыхъ жило. Вотчинное управление и судъ этихъ духовныхъ властей строились по подобію государственныхъ. По здѣсь на правахъ „кормленія отъ службы“ господствовали бояре, намѣстники, тиуны, десятинники, дьяки и разные приказные люди“ и чинили духовному чину „обиды нестерпимыя“. По свидѣтельству Стоглаваго собора „въ митрополѣ, въ архіепископьяхъ и въ епископьяхъ искоши вѣчно уставлены десятильники при великихъ чудотворцѣхъ Петрѣ, Алексѣи и Юрѣ и прежде ихъ, и по нихъ, и до днесь по градомъ и подесятинамъ. Они судятъ весь священнической и иноческой чинъ и все причты церковныя и прочихъ людей поряднымъ, по кабатамъ, и въ боѣхъ, и грабежѣхъ, опрочѣ духовныхъ дѣлъ“. А какъ они судили? „Не въ правду судили—жалуется соборъ—и посулы имали и дѣлы волочили и продажу чинили. А что прежде сего въ митрополѣ, и въ архіепископьяхъ, и въ епископьяхъ вѣдвали по градомъ и подесятинамъ десятильники и заѣщики (или закащики) и собирали на святителей дань по книгамъ и свои пошлины по грамматамъ и по книгамъ, по старшѣ, и въ томъ священникамъ и діаконамъ отъ десятильниковъ и закащиковъ была нужда и продажа велика“¹⁾

Вмѣстѣ съ пониженіемъ *сословнаго* положенія совершалось пониженіе и *служебнаго* положенія бѣлаго духовенства. Попъ и дьячекъ рядились съ приходомъ, рядились на опредѣленное время, за опредѣленную плату, письменнымъ контрактомъ, превращаясь такимъ образомъ въ наймитовъ или старшихъ „закуповъ“

¹⁾ Стоглав. гл. 68. Изд. Каз. Дух. Акад. стр. 304—309

Такое социальное и служебное положеніе бѣлое духовенство пережило или лучше сказать выстрадало цѣлые вѣка, едвали не до начала XIX столѣтія. Понятно, что за это время ему весьма трудно было примѣнять къ практикѣ апостольскіи долгъ и право миротворца въ тяжбахъ своей паствы. По своему общественному положенію оно право способно было развѣ къ послушеству, да и то по нуждѣ, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія древней Русской Правды, одна изъ статей которой гласитъ:

„А послушества на холопа не складаютъ; но аже не будеть свободнаго (то) по нужи сложити на боярьска тшвуна, а на иныхъ не складывати. А въ малѣ тяжѣ по нужи възложити на закупа“¹⁾.

Въ теченіи XVII и XVIII столѣтіи судьба третейскаго суда вообще представляетъ мало интереса. Онъ не переставалъ примѣняться и за это время, но нельзя сказать, чтобы законодательство этого времени покровительствовало ему. Правильнѣе будетъ сказать, что за это время третейскій судъ былъ только терпимъ.

Въ Соборномъ Уложеніи 1649 года ему была посвящена только одна статья, которая до 1831 года и оставалась единственнымъ общимъ о немъ узаконеніемъ²⁾. Въ теченіи XVIII

¹⁾ Русск. Правда, ст. 59 (Троицк. сп.). Калачевъ, стр. 14.

²⁾ Вотъ эта статья: „О третейскомъ суду. А будеть кто истецъ и отвѣчикъ, поговоря межъ собой полюбовно пойдуть на судъ передъ третьихъ и дадутъ на себя третьимъ своимъ запись, что имъ ихъ третейскаго приговору слушать, а будеть они третейскаго приговору не стануть слушать и на нихъ взять государева пени, что Государь укажетъ, да третьимъ безчестье, и по той ихъ записи третьи дѣло ихъ вершатъ и дадутъ истцу и отвѣчику разные приговоры: одинъ третей истца оправитъ, а отвѣчика обвинитъ, а другой третей отвѣчика оправитъ, а истца обвинитъ и по челобитью истца или отвѣчика то третейское дѣло и приговоры, и третейскую запись у третьихъ взять въ приказъ, да будеть та запись написана съ государевою пеню и то третейское дѣло вершитъ по суду и по третейскому приговору, которон третейской приговоръ написанъ будеть противъ суднаго дѣла; а которой приговоръ написанъ не въ.ю.м.г., и тотъ приговоръ оставить. а третьему за тотъ недѣльный приговоръ учинитъ наказаніе, или по записи взяти на немъ пеня, что Государь укажетъ. Да на немъ же, кого онъ не по дѣлу обвинитъ, доправитъ проестъ и волокиты съ того числа, какъ го дѣло зачнется, да по то число, какъ то дѣло вершится, по гривнѣ на день“

вѣка было издано нѣсколько *частныхъ* законовъ, которыми третейскій судъ въ качествѣ привилегіи дозволялся лишь инородцамъ и только нѣкоторымъ сословіямъ. Такъ въ 1734 году предоставлено было вѣдаться третейскимъ судомъ Башкирцамъ и другимъ Уфимскимъ инновѣрнымъ народамъ „для ихъ на великой обширности жилья, что имъ въ своихъ между собою малыхъ дѣлахъ на Уфу для челобиться ѣздить убыточно“ ¹⁾. Такое же право пользоваться третейскимъ судомъ „по прежнему обыкновенію“ предоставлено въ томъ же году Малороссамъ ²⁾. 19 ноябр. 1800 г. предоставлено право вѣдаться третейскимъ судомъ азіатцамъ, проживающимъ въ Астрахани ³⁾. Въ 1827 году это право предоставлено Ногайцамъ и другимъ магометанамъ въ Кавказской области ⁴⁾, а также обитателямъ земли войска Черноморскаго ⁵⁾, въ 1833 году обитателямъ области Армянской ⁶⁾.

Быль предоставляемъ третейскій судъ и нѣкоторымъ сословіямъ, какъ исключительное право, напр. купцамъ. Такъ, въ таможенномъ уставѣ 1727 г. читаемъ: „Его Императорское Величество (Петръ II-й) *милосердія* къ подданнымъ своимъ купеческимъ людямъ, дабы оныя, кромѣ необходимой нужды не вступали въ письменные суды и отвѣты, тѣмъ въ купечествѣ своемъ время не тратили и въ напрасные убытки отъ того не входили, повелѣваетъ, въ ратушахъ и таможенныхъ судъ и расправу между купеческими людьми отправлять по преимуществу словесно, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ опредѣляетъ кромѣ того, чтобы челобитчики разбирались

„А въ которой третейской записи государевы вѣны будутъ не написано и того третейскаго дѣла у третьихъ въ приказъ не имать“

„А будетъ третіе дѣло вершать и правому на виноватаго приговоръ дадутъ оба одинъ, а тотъ, на кого они приговоръ дадутъ, учтеть на нихъ бити челомъ Государю, что они его не по дѣлу обвинили, и по тому его челобитью у третьихъ дѣла въ приказъ не имать же, потому что онъ тѣхъ третьихъ себѣ самъ излюбилъ, и былъ тому дѣлу по тому, какъ третіе приговорять“ (Уложеніе, гл XV; ст 5)

¹⁾ Полн. Собр. зак. № 6581, п. 4.

²⁾ Полн. Собр. № 6614, п. 4.

³⁾ Тамъ же № 19656

⁴⁾ 2 Полн. Собр. № 878, §§ 60, 61

⁵⁾ Тамъ же, № 1058, §§ 54, 55

⁶⁾ Тамъ же, № 6382

чрезъ посредниковъ, а буде за какимъ несогласіемъ сами ихъ не выберутъ, чтобы они назначаемы были отъ суда и то дѣло вершили“ ¹⁾. Въ 1744 г. дано право разбирать третейскимъ судомъ всѣ споры крестьянамъ дворцоваго вѣдомства: „для прекращенія крестьянскихъ волокъ и происходящаго отъ того раззоренія“ ²⁾.

Въ 1831 году 15 Апр. Высочайше утверждено было положеніе о третейскомъ судѣ, какъ общій законъ, съ отмѣною всѣхъ прежнихъ о немъ узаконеній и вошло въ Сводъ законовъ. Дѣйствующимъ въ настоящее время законодательствомъ, главнымъ образомъ опирающимся на Положеніе 1831 года открыта для всѣхъ возможность пользоваться выгодами третейскаго суда; съ этимъ вмѣстѣ открылась возможность и духовному лицу особенно сельскому священнику снова выступить въ званіи третейскаго судьи,—въ званіи, давно-благодаря только несчастнымъ историческимъ обстоятельствамъ забытомъ,—и однако же укрѣпленнымъ за нимъ и священными канонами и старорусскою давностью. Но нужно ли и полезно ли это? Попытаемся представить нѣкоторыя соображенія по этому вопросу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Заозерскій.

¹⁾ 1 Полн. Собр. № 5145

²⁾ Тамъ же, № 14133, п. 3 Подробнѣе см. у Вицына, цит. соч. стр. 9—14